

В Е Р А
Колочкова

*Найдёныши
мои*

Р О М А Н

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Редактор серии *П. Корицкая*

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Колочкова, Вера.

К61 Найденыши мои : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211042-9

Сашка, выросший в детдоме, не знал, что такое любовь и счастье. Он по инерции жил с лучшей подругой, названной сестрой, и ее мужем, не задумываясь о будущем... Пока не познакомился с девушкой, приехавшей на курорт к Черному морю. Встретившись с ней взглядом, Сашка сразу почувствовал неясную тревогу и понял — незнакомка либо принесет ему огромное блаженство, либо разобьет сердце на тысячи кусочков.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211042-9

© Колочкова В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Вскормил кукушку воробей —
Бездомного птенца.
А тот возьми да и убей
Приемного отца!

Самуил Яковлевич Маршак

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

А если кто-то незаметно жил
И с этой незаметностью дружил,
Он интересен был среди людей
Самой неинтересностью своей.

Евгений Евтушенко

«Людей неинтересных в мире нет...»

ГЛАВА I

Солнце палило так яростно, будто силилось прогнать с пляжа беззаботных отдыхающих: «Эй вы, глупые, жадные до бесплатного ультрафиолета, время-то к полудню идет, нельзя, пора и честь знать! А ну разбегайтесь по пансионатам, санаториям, съемным каморам или где вы еще там устроились... Пора, пора!»

Сашка перевернулся с живота на спину, натянул на глаза козырек бейсболки, оставив маленькую щелочку для обзора. Хотя чего там обозревать — обычный пляж... На излучине Феодосийского залива таких много. Галька серая, мелкая, волна шумит. На пирсе полно пацанов — ныряют, галдят, смеются. Странно, что спасателей поблизости не видно... Надо бы разогнать этих пацанов: сегодня нырять опасно. И куда только родители смотрят?!

Удивительно — с чего вдруг волны? Вчера еще не было... Такое оно, Черное море. Капризное. Непредсказуемое. Живое.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Внезапно подумалось: быстро же он привык! Будто всю жизнь у моря жил, а ведь всего год прошел... А он никакой романтики в этом не чувствует. Да, раньше была романтика, раньше вообще мог торчать на берегу сутками. А сейчас привык. Наверное, глаз уже на эту красоту намылился. И впрямь, что уж такого особенного? Ну, море. Подумаешь! Всего лишь соленая вода. Накатила — откатила. Галька шумит. Солнце с ума сходит. Слышны вопли беспокойных мамаш и гомон отдыхающих. Вон, одна аж зашлась криком, вызывая свое чадо на берег:

— Владик, выходи! Кому я говорю, Владик! Ты уже два часа в воде сидишь! Ну что тебя, силой вытаскивать, что ли? Ты не слышишь меня, что ли, сынок? Выходи! С ума я с тобой сойду, честное слово!

Он приподнял голову, чтобы глянуть на непослушного Владика. Лицо у мальчишки досадливое, упрямое. Сидит в воде у самой кромки, делает вид, что не слышит материнского зова.

— Ну все, Владик, я иду... Придется вытаскивать тебя силой, если не слышишь! И наказывать придется! Больше сегодня на пляж не пойдем, будем в номере сидеть! Я буду вязать, а ты книжку читать! И телефон я твой спрячу, чтобы ты на него не отвлекался!

Видимо, угроза возымела действие: парень глянул на мать, напрягся. Потому как двойное наказание получается: вместо моря книжка в руках

Найденыши мои

и в телефон не заглянешь. Знают нынешние мамы, чем детей напугать... И этот бедный Владик тоже испугался, отдался набежавшей волне, и она вытолкнула его на берег, аккуратно к ногам матери. Поднялся на четвереньки, пробурчал недовольно:

— Орешь на весь пляж, мам... Позоришь меня... Чего так орать-то?

— Да потому что ты не слышишь меня, бесовестный! Довел мать до белого каления, еще и ворчит!

— Ладно, мам... Пошли уже!

— Сначала обсохни, потом пойдем! Садись на солнце!

— Не хочу я сидеть...

— Поговори мне еще! Все нервы уже измотал! Неслух!

— А ты не ори... Надоела уже... То нельзя, это нельзя... Только и знаешь, что «нельзя» да «нельзя»...

Сашка сел на полотенце, вдруг ощутив желание встать и подойти к пацану, треснуть ему по уху: как, мол, с матерью разговариваешь. Разве так можно с матерью, обормот? Счастливый ты обормот... Да если бы ты понимал — это ж мать...

Конечно, не встал, не подошел. Смешно бы со стороны выглядело. Снова улегся на полотенце, прикрыл глаза. О чем он думал? Да о море. Что быстро к морю привык...

В Симферополе моря не было. Хотя летом их, детдомовцев, вывозили к морю, и это был празд-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ник. Правда, подпорченный жесткими правилами: в воду заходили только по свистку воспитателя и обратно — по свистку... Если не выйдешь вместе со всеми, потом больше не зайдешь. Что для малышни, что для больших — одни правила. Это сейчас все смешным кажется, а тогда... Так обидно было...

Ладно, чего это он вдруг про детдом вспомнил. Пора забыть. Столько с тех пор воды утекло. Взрослый уже мужик, двадцать четыре недавно исполнилось. Можно считать, и в жизни все сложилось-определилось. И моря хватает под завязку... Время быстро идет.

Живот начало припекать — пора переворачиваться. Или лучше совсем уйти, сколько можно поджариваться, как сардинка на сковородке? Хотя вставать неохота... Разморило...

Сел, огляделся. Пляж почти опустел: все сбегали от палящего солнца. От нечего делать стал наблюдать, как пытается выйти из моря девушка, тоненькая, хрупкая, ладненькая. Купальник на ней — одно название, будто и нет его совсем, одни никчемные полоски внизу и сверху, а сзади вроде как и полосок не видно, маленькая круглая попка вся на виду. И ведет себя девушка довольно странно — то ли правда выйти не может, то ли придуривается, веселится сама над собой. Будто подается всем телом к берегу, и накатившая волна швыряет ее, как щепку, и тут же тащит назад. Не-красиво тащит, по гальке швыряет. Больно ведь

Найденыши мои

ей, наверное? Хотя лицо у девушки вроде не испуганное, а совсем даже наоборот, словно ей ужасно нравится отдаваться на волю волны. Вот опять резко подалась к берегу... И оглядывается, и стоит, замерев, и ноги утопают в гальке, и будто ждет... Опа! Волна с головой накрыла, выбросила, утянула обратно. Вынырнула, смахнула с лица мокрые пряди, опять подалась к берегу...

Он будто прилип глазами к этой картинке, сидел как замороженный. И внутри вдруг заныло что-то, пробежало колкими мурашками. Странное чувство... Тревожное. Будто сейчас произойти должно что-то для него важное. Хорошее и нехорошее... Не поймешь... Даже глаза прикрыл в смятении, прислушиваясь к себе. Что это за непонятное ощущение? И как это может быть связано с купальщицей, на которую загляделся? Да на этом берегу тысячи таких, на всех и ощущений не хватит. Лучше отвести глаза, не смотреть. И впрямь, что он там не видел?

Однако тревожность не покидала, и он устыдил себя: а вдруг девушка и правда выбраться не может? Наверное, надо помочь.

Глянул, а она уже вышла на берег, переступает неуклюже по горячей гальке, прикусив губу. Хочет идти быстро, да не получается: это ведь то еще цирковое представление — ступать на жгучие камушки до полного нетерпения! Можно сказать, пытка!

В какой-то момент ему захотелось подскочить, броситься к ней, схватить на руки. Но сдержал

ВЕРА КОЛОЧКОВА

себя: вдруг ей это не понравится. Еще обругает как-нибудь, не поймет его джентльменского порыва. Так и сидел, смотрел, как она смешно подпрыгивает, и балансирует, и сучит ногами. Оглянулся быстро — ага, вон ее полотенчишко брошено чуть позади... И сумка на нем, и шлепанцы. Все-таки надо было проявить благородство, подтащить ее шлепанцы к берегу. Не догадался. Теперь уж поздно, почти дошла.

— Чего уставился? Смешно тебе, да? — неожиданно спросила девушка, проходя мимо него.

Не зло спросила. С улыбкой. Игриво даже. Вроде как приглашая к общению.

— Нет... Почему смешно? Я сочувствую... Галька сильно нагрелась... — проговорил тоже с улыбкой.

— Не то слово! Это ж настоящие танцы на углях получаются! Мне кажется, что я ступни до кости сожгла! Больно, зараза!

Девушка наконец добралась до полотенца, села, закопошилась в сумке. Достала темные очки, тут же нацепила их, откинув взмахом головы волосы. Он сидел к ней вполоборота, смотрел как замороженный. Внутри опять все заныло странной тревогой, будто предупреждало: не гляди, отвернись... Ну что она тебе? Не надо...

— Так чего пялился?

— Я не пялился. С чего ты взяла?

— Я же видела, ты не думай! Просто глазами ел!

Найденыши мои

— Да не ел я! Боялся просто: вдруг из воды не сможешь выйти? Вдруг придется спасать?

— Ой, да ладно, нашел отмазку... Спасатель... Говори честно: понравилась я тебе, да?

— Да. Ты красивая. Очень красивая.

— Я знаю... А у тебя сигаретки нет?

— Я не курю...

— Понятно. Ну тогда, может, организуешь мне сигаретку? Вон там, вдалеке, мужик сидит, видишь? Он вроде курил... Сходи и спроси у него, а? Не буду же я сама ходить по пляжу и к мужикам приставать.

Он кивнул, поднялся с места, направился к мужчине, который сидел у самой кромки воды.

— И прикури сразу, ладно? — крикнула она ему вслед.

Мужчина охотно откликнулся на его просьбу, протянул открытую пачку и зажигалку. Прикурил, поблагодарил его вежливо и вернулся. Девушка жадно схватила из его рук сигарету, втянула в себя дым, тут же закашлялась, проговорила надсадно:

— Вот же зараза, а? Курить хочу страшно, а не получается ни фига... Бронхи совсем ни к черту...

Сунула ему сигарету, повернулась всем корпусом к сумке, достала бутылку с водой, жадно сделала пару глотков. Он стоял рядом, держа сигарету в руках. Она скомандовала досадно:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да потуши ты ее, если сам не куришь! Не дразни меня! Лучше садись поближе... Подтани свое полотенце да садись.

Когда он уселся рядом, она произнесла доверительно, как старому знакомому:

— Я ведь с детства болею... Курить совсем нельзя. Врач запретил.

— А зачем куришь тогда?

— Не знаю. Из вредности. Терпеть не могу, когда мне что-то запрещают. Сразу начинаю все наоборот делать. Характер такой, ничего не попишешь.

— Странный у тебя характер.

— Уж какой есть...

— Ты здесь дикарем или как?

— Не, не дикарем... Меня сюда в санаторий лечиться отправили, говорят, якобы тут воздух какой-то целебный для легочников.

— Ну да... Говорят, полезный... Только я все равно не понял... Зачем куришь, если нельзя? Ведь сама себе хуже делаешь.

— А ты сам-то... делаешь только то, что можно, да? Весь такой правильный?

— Ну, не всегда, допустим...

— А ты откуда приехал? Отдыхаешь здесь?

— Нет. Я местный.

— Иди ты... Что, правда?

Она глянула с таким интересом, будто он сказал сейчас что-то несусветное. Пожал плечами, спросил с улыбкой:

Найденыши мои

— А почему ты так удивилась? Ну, местный... И что?

— Да я думала, что на пляже только отдыхающие болтаются... Делать-то все равно больше нечего! А местным это море вообще по фигу!

— Ну, не совсем... Хотя к морю быстро привыкаешь, согласен.

— Значит, ты местный... Ну и как здесь жить? Прикольно, наверное?

— Да нормально... Как везде.

— Слушай, а ты ведь и здешние места наверняка хорошо знаешь?

— Да, знаю. Я уже год в Феодосии живу. А до этого в Симферополе жил.

— А мне что-нибудь интересное покажешь? У тебя тачка есть?

— Нет. У меня мотоцикл.

— О... Круто! А какой?

— Да обыкновенный. «Хонда». Старенький уже. А как тебя зовут? Мы даже не познакомились...

— Я Кристина. Но все зовут меня Крис, я привыкла.

— А я Александр. Все зовут меня просто Сашкой.

— А ты симпатичный... На цыгана похож. Такие волосы черные, кудрявые... Тебе их отрастить надо, чтобы до плеч были. Вообще тогда будет прикольно! Только глаза не цыганские: слишком добрые.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Спасибо. Сочту за комплимент.

— Да пожалуйста... Скажи, а ты где-то здесь, неподалеку живешь?

— Нет. Я живу в Камышах. На работу езжу в город.

— А Камыши — это...

— Это поселок такой. Минут десять ехать от набережной на мотоцикле, если на скорости.

— Понятно... А я вон в том санатории обитаю... — махнула она рукой вправо.

— В «Восходе», что ли?

— Ну да...

— Хороший санаторий. У моей сестры там подруга работает.

— Ой, да чего там хорошего? Скукота и отстой... Нет, я понимаю, процедуры всякие полезные, но я ж не пенсионерка, мне еще и потусоваться хочется! А там вообще на этот счетдохлый номер, никакой движухи нет. Вчера сходила на их дискотеку — ухохоталась, блин... Старые тетки так лихо под музыку задами трясут! Я смотрела на них и думала: когда сама буду теткой, ни за что не стану так задом трясти... Просто полный отстой, правда! И вообще, скучный у вас город, нормальному человеку податься некуда... И кафешки эти на набережной — тоже полный отстой... Куда ни кинь глаз — одна скукота... Как так может быть, а? Чтобы в крымском городе — и посмотреть не на что было!

Найденыши мои

— Ну почему же? Есть места... И есть на что посмотреть. Природа здесь шикарная, море. Не зря же здесь Айвазовский в свое время поселился. И писатель Грин... И крепость у нас есть...

— Ой, только не рассказывай мне про эту крепость, была я там! И про Айвазовского с Грином не рассказывай! Я что, по-твоему, похожа на тетку, которая будет по музеям шляться? Днем по музеям, а вечером задницей на дискотеке трясти?

— Нет, не похожа... — проговорил он и хмыкнул, улыбнувшись. Так и сидел с улыбкой, глядя на нее весело.

Да, она его веселила ужасно. Такая забавная! И жесты тоже забавные, и выражение лица... Такое искренне капризное, как у ребенка. И губы надувает как маленькая... Смешно!

— А сколько тебе лет, Крис? — спросил вдруг, внимательно разглядывая ее.

— Да не бойся, я совершеннолетняя! Недавно восемнадцать исполнилось!

— Хм... А почему я должен бояться?

— Ну, мало ли... Меня все воспринимают пацанкой. Слишком молодо выгляжу. А я, между прочим, уже взрослая, самостоятельная женщина. По мне многие мужики с ума сходят. Как посмотрят на меня — сразу влюбляются. Даже сама удивляюсь, честное слово. Или ты что, мне не веришь?

— Почему? Верю. Ты красивая. И да, есть в тебе что-то такое... Тревожно-трогательное...